

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 39–55
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 39–55

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ

Научная статья

УДК 82.091

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.03>

Н.В. ГОГОЛЬ И Ж.П. САРТР В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА: АНТРОПОЛОГИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ПОВЕСТИ «НОС» И В РОМАНЕ «ТОШНОТА»

Александр Семенович Смирнов

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь, smialex8@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7487-5892>

Аннотация. Статья посвящена антропологической проблематике экзистенциализма в художественной литературе. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» и роман Ж.П. Сартра «Тошнота» рассматриваются как развернутые высказывания в заочной дискуссии с религиозным философом Р. Гвардини о сущности человеческой личности и перспективах ее сохранения в изменяющемся мире. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа произведений демонстрируется сходство позиций каждого из их авторов в понимании человеческой личности, а также форм и способов их художественного воплощения.

Ключевые слова: экзистенциализм, лицо, личность, Гоголь, Сартр, Гвардини.

Для цитирования: Смирнов А.С. Н.В. Гоголь и Ж.П. Сартр в поисках человека: антропология экзистенциализма в повести «Нос» и в романе «Тошнота» // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 39–55. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.03>.

***RUSSIAN AND FOREIGN LITERATURE:
COMPARATIVE PLANS***

Original article

**N.V. GOGOL AND J.P. SARTRE
IN SEARCH OF A HUMAN:
ANTHROPOLOGY OF EXISTENTIALISM
IN THE STORY “THE NOSE”
AND IN THE NOVEL “NAUSEA”**

Alexander Semenovich Smirnov

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus, smialex8@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7487-5892>

Abstract. The article is dedicated to the study of the anthropological aspects of existentialism in fiction. “The Nose” by N. Gogol and “Nausea” by J.P. Sartre are viewed as opinions in the imaginary discussion with the German religious philosopher of the twentieth century R. Guardini on the human essence and the ways of preserving it in the changing world.

The comparative analysis of the works by Gogol and Sartre revealed similarities in the authors’ concepts of human personality and the forms and methods of their artistic embodiment.

Both writers talk about the human aspect, highlighting two interconnected elements. The first one is related to the definition of the foundations of human identity. Gogol’s method of searching for it consists of depriving his character of the nose, which supposedly is the focus of the human in the man. Sartre, who understands a person as pure consciousness (“nothing”), acts by analogous methods, throughout the novel, consistently freeing the consciousness of his hero from all possible influences of the objective world, in order to highlight his personality.

Gogol’s and Sartre’s analysis of the topic of the face made it possible to include Guardini in their discussion. Comparison of his point of view of a Catholic priest, set forth in the form of a theoretical treatise, and the concepts of Gogol and Sartre, expressed in the artistic form, made it possible to identify in literary works the second aspect of the personality problem associated with the destruction of human identity in conditions of social life. Gogol and Sartre find in social communications the mutual substitution of the interlocutors for each other’s true personalities with deindividualized images based on the perception of the Other solely as a representative of a certain social type or group.

A particular danger for the preservation of one's own identity is represented by a similar self-perception by a person and the construction of one's own personality in accordance with the predicted communicative attitudes of potential interlocutors.

The fairness and fundamental nature of the anthropological discoveries of Gogol and Sartre is confirmed by the traces of their influence, particularly, on the English writer J. Fowles, who belonged to the later period and another national culture.

Key words: existentialism, face, personality, Gogol, Sartre, Guardini.

For citation: Smirnov A.S. N.V. Gogol and J.P. Sartre in search of a man: anthropology of existentialism in the story "The Nose" and in the novel "Nausea". *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. = Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers.* M.: Knigodel, 2021; (XV): 39–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.03>.

© Смирнов А.С., 2021

Введение. Анализируя художественную концепцию личности, представленную в петербургских повестях Гоголя (в частности, в «Носе») в диалектике «вещественного, телесного, духовного и человечески-личностного, во-первых, и части и целого, во-вторых» [Бочаров 1985: 128], С.Г. Бочаров отмечал ее провидческий характер, проявивший себя более чем столетие спустя в размышлениях немецкого религиозного философа XX в. Р. Гвардини о лице («Это слово имеет почти стоический характер. Оно указывает <...> на ту единственность и неповторимость, которая происходит <...> от того, что этот человек призван Богом» [Гвардини: 145]) и необходимости его сохранения как о сверхзадаче каждого конкретного человека и человечества в целом.

Повторное обращение исследователя к той же теме и тому же предмету и материалу выявило новые аспекты гоголевской художественной антропологии, позволившие увидеть в ней вместе с унаследованными из прошлого традициями «святоотеческой аскетической литературы» в ориентированной в будущее «философской перспективе <...> учение К. Юнга об «истинной самости» (das Selbst). Различение Юнгом двух душевных инстанций: «маски» («персоны») — как того, «что человек, по сути дела, не есть, но за что он сам и другие люди принимают этого человека», и «самости» как глубинного «я» (и даже «сверх-я») — несомненно, имеет близкое отношение к тому внутреннему конфликту в человеческом образе, который был странным и уникальным способом выражен «Носом» Гоголя» [Бочаров 1999: 113].

С течением времени Гоголь все чаще помещается исследователями в контекст европейской философской проблематики XX в. Один из послед-

них примеров такого рода — книга А.К. Куликова, где центральной для нашего исследования проблеме «Гоголь и Сартр» посвящен ряд страниц. Сосредоточенность автора преимущественно на философском аспекте этой проблемы и некоторая декларативность и некритичность в оценках («Какую нелепую беспомощную гордыню источает каждая сентенция этой истерической философии! И какой контраст сартровский экзистенциализм составляет с гоголевским мифотворчеством: мир тошноты — с миром детского смеха и детских слез!» [Куликов: 168]) побуждают более детально рассмотреть вопрос о переключках между Гоголем и Сартром.

Указания С.Г. Бочарова на предвосхищение русским писателем первой половины XIX в. актуальной по наши дни проблематики европейской философии XX в. определяют перспективную область дальнейшего исследования и обозначают его конкретные направления. Представленная выше парадигма заочных последователей Гоголя (близких русскому писателю по антропологическим воззрениям, но философствующих, по всей видимости, без его непосредственного влияния) не включает представителей изящной словесности (литературное творчество Сартра в книге Куликова почти не затронуто), что и обусловило **цель нашего исследования** — анализ художественной «гоголевской картины человека» в контексте антропологической проблематики XX в., в частности, переключек повести Н.В. Гоголя «Нос» и романа Ж.П. Сартра «Тошнота», которые составляют **материал исследования**.

Методология исследования определяется его целью и включает в себя культурно-исторический, структурно-семиотический, сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы.

Основная часть. Типологически синонимичные произведения/тексты Гоголя, Гвардини и Сартра предлагают дискурсивно по-разному оформленные ответы на один и тот же вопрос о сущности человека, рассматриваемый с несовпадающих позиций. В этих идеологических кольцах Борромео каждая пара мыслителей, произвольно объединенных на основании какого-либо общего формального признака, объективно противопоставляется третьему, что, с одной стороны, представляет освещаемый ими предмет в разных, взаимно дополняющих друг друга аспектах и, с другой — специфицирует каждую позицию в их взаимном отражении. Так, Гоголь и Сартр как создатели художественных концепций личности могут быть противопоставлены Гвардини, излагающему свои воззрения в виде теоретического трактата. В свою очередь, Гвардини и Сартр противоположны Гоголю как представители западноевропейского XX в. представителю русского XIX в., а Гоголь и Гвардини — Сартру как носители религиозного сознания атеисту.

Рассматривая предпринятый Р. Гвардини философский анализ категории лица как своего рода развитие поднятой Гоголем темы, С.Г. Бочаров

объясняет сходство их антропологических представлений сходством обусловивших эти представления общественно-исторических ситуаций. Русская литература гоголевского времени «уже имела дело с человеком в таком последнем унижении и оскудении, какое для западного мира и искусства станет столь ощутимой реальностью и актуальной темой уже в результате испытаний XX века. <...> Этот существенно прогнозировавший будущее цивилизации опыт русская литература приобретала в 30–40-е годы, в эпоху николаевского царствования» [Бочаров 1985: 139–140]. Однако присоединение к диалогу Сартра как автора «Тошноты», совершенно умалчивающего о «последнем унижении и оскудении», резко снижает релевантность общественно-исторического фактора и, следовательно, побуждает искать иные, более фундаментальные, объяснения. В работе немецкого католического богослова 1950 г. легко обнаружить воздействие трагического опыта обеих мировых войн, развязанных и проигранных Германией, породивших актуальную вплоть до наших дней проблему пресловутого «непреодоленного прошлого» и вполне способных пошатнуть религиозную веру. Применительно к «Тошноте» (1938) говорить о трагическом мироощущении живущих в иную эпоху и индифферентных к религии героя или автора и тем более об эсхатологизме романа не приходится. Тем не менее антропологическая проблема и способ ее художественного решения Сартром позволяют говорить о гоголевской повести как своеобразном прообразе программного романа французского экзистенциализма.

Антропология «Носа»

В повести «Нос» Гоголь в художественной форме поставил два взаимосвязанных вопроса философии человека, ответами на которые можно считать выступления Сартра и Гвардини.

Первый из них — что делает человека человеком, составляет существо его самости? И гоголевский же ответ на этот вопрос дается в повести в форме простейшей математической аналогии. Если отсутствие носа разрушает личностное самосознание героя («без носа человек — черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин» [Гоголь: 54]), разрывает его биологические («птица не птица»), социальные («гражданин не гражданин») и даже космические («черт знает что») связи, значит, нос и является искомой квинтэссенцией человеческого в человеке, что смутно, но осознается героем повести: «я вам не о пуделе делаю объявление, а о собственном моем носе: стало быть, почти то же, что о самом себе» [Гоголь: 51] (ср. замечание С.Г. Бочарова: «Утрата носа приравнивается к утрате всего, какого-то основного достоинства, утрате лица» [Бочаров 1985: 142]).

Отсюда вполне закономерен и естествен наблюдаемый в повести переход к антропоморфизации носа с обретением им собственного лица: «Нос спрятал совершенно *лицо* свое в большой стоячий воротник и с *выражением* величайшей набожности молился» [Гоголь: 45], «нос *посмотрел*

на майора» [Гоголь: 46], «из собственных ответов носа уже можно было видеть, что для этого *человека* <...>» (курсив мой. — А. С.) [Гоголь: 48].

Очеловечившийся нос получает от автора место в иерархической чиновной вертикали, где оказывается тремя классами выше бывшего владельца, что порождает колебания Ковалева: звать ли к совести носа — *равного* себе или обращаться к нему как к *старшему* по чину. Несовпадение «вертикального» почтения к чину и «горизонтального» уважения к личности (затронутое вместе с темой носа также в «Записках сумасшедшего»: «Что ж из того, что он камер-юнкер. <...> Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого» [Гоголь: 169]) прямо вводит «Нос» в контекст дискуссий XXI в. об источниках человеческого достоинства и, косвенным образом, человеческого «я». «Для социальной чести типичны два измерения: честь вертикальная — почет, оказываемый занимающим более высокое положение; и горизонтальная — почет, оказываемый равным. У моральной же чести есть только одно измерение — горизонтальное. <...> Стоящая перед гуманистами проблема заключается в поиске <...> такой человеческой черты, которая делала бы абсолютно всех людей достойными уважения. Сам факт принадлежности к человеческому роду обычно не признается достаточной причиной для уважения. <...> Вопреки этой распространенной точке зрения я утверждаю: все, чем мы можем оправдать уважение к людям, — это сама принадлежность к человеческому роду или, вернее, способность любого человеческого существа служить образом всего остального человечества» [Маргалит].

Появившееся у носа лицо сопоставлено Гоголем (устами персонажа) с почти утраченным лицом самого Ковалева: «я сам принял его сначала за господина. Но, к счастью, были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был нос. <...> Если вы станете передо мною, то я вижу только, что у вас лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замечу» [Гоголь: 55–56].

«Маленький человек» в осмыслении Гоголя и Гвардини

Вопросом о природе человеческой личности задается и Гвардини. «В чем состоит прежде всего человеческое в человеке? В том, чтобы быть лицом, быть призванным Богом; <...> в том <...>, что каждый, будучи однажды поставлен Богом в самом себе, не может быть ни замещен, ни подменен, ни вытеснен» [Гвардини: 146].

Еще одна точка пересечения позиций Гоголя и Гвардини обнаруживается, если изменить глубину фокуса при рассмотрении русского писателя, перейдя от повести «Нос» в более широкий контекст петербургских повестей в целом, в «безнадежно “средних” (или даже ничтожных) героях» которых «Гоголь обнаруживает освященное романтической традицией высокое содержание <...>. Однако <...> вовсе не стремится возвеличить обыкновенное» [Маркович: 84, 88]. «В петербургских повестях <...> чело-

век воспринимается как частица и дробная величина <...>; как бы меньше целого числа, каким является суверенная личность» [Бочаров 1985: 138].

Именно в этом отношении Гоголю близок Гвардини. Его «Конец нового времени» находится в одном проблемном поле с такими книгами, как «Психология толп» Г. Лебона и «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета, радикально отличаясь от них положительной оценкой грядущего массового человека, традиционно противопоставляемого творческой личности.

Если гоголевские персонажи обнаруживают высокое романтическое начало, только лишь будучи особым образом показанными автором, и сами спокойно существуют, даже не догадываясь об этой стороне своей собственной личности (поручик Пирогов «имел особенное искусство пускать из трубки дым кольцами» [Гоголь: 30]), то Гвардини идет гораздо дальше, представляя оппозицию «человек массы (бывший гофмановский филистер) — художник» как радикальную альтернативу. «Слова “Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, но потеряет душу свою?” (Мф. 16, 26) — разъясняют нам здесь нечто очень важное. “Приобретение мира” включает все возможные человечески-культурные ценности: полноту жизненных сил, богатство личности, искусство и науку во всех их проявлениях. Всему этому противопоставлена гибель или спасение “души” — личное решение, ответ человека на призыв Божий, делающий его лицом. Перед таким выбором исчезает “весь мир”. Так имеем ли мы право ополчаться против массового общества из-за того, что оно, развиваясь, неизбежно нанесет ущерб всем ценностям личности и культуры? <...> Шанс стать лицом — разве не есть это нечто безусловно хорошее, перед чем должны отступить все другие соображения? <...> С отказом от богатой и свободной полноты личностной культуры то, что составляет в собственном смысле “лицо”, <...> выступит на первый план с такой духовной решимостью, какая прежде была невозможна» [Гвардини: 146].

«Вычисление» личности у Гоголя и Сартра

Проблема личности — центральная для романа Сартра. В постановке этой проблемы, в ее декомпозиции и в методах ее разрешения Сартр необычайно близок Гоголю.

Философская основа «Тошноты» базируется на развиваемой французским мыслителем концепции его учителя Э. Гуссерля об интенциональности сознания, направленного на объект своего сознавания и нуждающегося в этом объекте для сознавания собственного бытия. «Всякое сознание, как показал Гуссерль, есть сознание какой-нибудь вещи. Это означает, что нет сознания, которое не *полагало* бы (курсив Сартра. — А. С.) трансцендентного объекта, или, если предпочитают другое выражение, у сознания нет “содержания”. <...> Всякое сознание полагает, когда выходит из себя, чтобы достичь объекта, и оно *исчерпывает* (курсив мой. — А. С.) себя в этом полагании» [Сартр 2020: 42–43]. Такое понимание сознания,

с одной стороны, противопоставляло его создаваемой вещи, но с другой — ставило в прямую зависимость от нее. Философской задачей «Тошноты» стал анализ этого противоречия с поиском возможностей его преодоления: определение формы бытования личности — человеческого сознания, «свободного» от необходимости сознавать «вещи» в самом широком понимании этого слова.

Гоголь заставляет читателя задуматься об истинном «носителе человечности» в человеке, пародийно-издевательски «отминусовав» (в качестве такового) нос с лица своего героя. Сартр поступает аналогичным способом, последовательно, одно за другим «вычитая» из сознания Рокантена всё порожденное разнообразными субъект-объектными и социальными связями героя и расщепляя его сознание на субъект и предмет познания («необходимым и достаточным условием познания познающим сознанием своего объекта и есть то, что оно должно быть сознанием себя самого именно в качестве познающего» [Сартр 2020: 43]) для устранения последнего, чтобы выявить сухой остаток — сознание в чистом, беспримесном виде.

Дихотомизируя сознание своего героя, который выступает как субъект и объект самоанализа, Сартр показывает, что чистое «я» наблюдающего за собой Рокантена ничуть не свободно, будучи вынужденным для поддержания собственного существования перманентно, в режиме реального времени побуждать себя к мыслительной деятельности. «Моя мысль — это я, вот почему я не могу перестать мыслить. <...> Даже в эту минуту <...> я существую потому, что меня приводит в ужас, что я существую. <...> Моя ненависть, мое отвращение к существованию — это все разные способы *принудить меня* существовать, ввергнуть меня в существование» (курсив Сартра. — А. С.) [Сартр 2000: 123].

«Человек» и «вещь» в «Носе» и «Тошноте»

Герой Сартра обнаруживает власть вещей над своим сознанием и в страхе отказывается от привычки подбирать с земли бумажки и избегает смотреть на пивную кружку, подчиняющую его внимание. «Предметы не должны нас беспокоить. <...> А меня они беспокоят, и это невыносимо. Я боюсь вступать с ними в контакт, как если бы они были живыми существами!» [Сартр 2000: 18].

Но и окружающие Рокантена люди — такие же «сознания», как и сам герой, — воспринимаются им как «вещи», обладающие и почти исчерпывающиеся двумя-тремя внешними признаками. Даже незначительные изменения наружности прежних знакомых вызывают у героя трудности с их идентификацией, значимые для выявления философской идеи романа. «Мадлена <...> зачесала волосы назад и надела серьги — я ее не узнавал» [Сартр 2000: 27]; «как поверить, что эта распаленная плоть, это пылающее горем лицо?.. и, однако, я узнаю платок, пальто и большую бор-

довую родинку на правой руке. Это она, это Люси, наша уборщица» [Сартр 2000: 37]. У Гоголя визит доктора к Ковалеву завершается подобными характеристиками: «Ковалев не заметил даже лица его и в глубокой бесчувственности видел только выглядывавшие из рукавов его черного фрака рукавички белой и чистой, как снег, рубашки» [Гоголь: 59] — почти «отсутствующее» лицо показательно затмевается почти индивидуализированными «рукавичками» (а не, например, стилистически нейтральными «рукавами»).

Пугающая Рокантена близость человека и вещи красной нитью проходит через всю гоголевскую повесть. Во-первых, сам нос представлен у Гоголя в необыкновенно широкой и разнообразной парадигме физических состояний (от вещного до антропоморфного), отражающих ступени своеобразной эволюционной цепочки: аморфное («что-то белевшееся <...>, “плотное”» [Гоголь: 40]); неопределимое («хлеб — дело печеное, а нос совсем не то» [Гоголь: 41]); вещь («нос был как деревянный и падал на стол с таким странным звуком, как будто бы пробка» [Гоголь: 57]); часть лица майора Ковалева; человек с собственным лицом; и даже чиновник «в ранге статского советника» [Гоголь: 45].

Во-вторых, в «Носе» не только вещь может выступать в роли человека, но и, напротив, люди, как и у Сартра, могут либо уравниваться с вещами (среди газетных объявлений «дворовая девка девятнадцати лет» соседствует с прочными дрожками и молодой горячей лошадей семнадцати лет от роду [Гоголь: 49]), либо даже совершенно обнулять свою человечность: «к счастью, в кондитерской никого не было; мальчишки мели комнаты <...>. “Ну, слава Богу, никого нет”» [Гоголь: 44].

Выделяющаяся черта внешности, по Сартру, способна даже затмить (почти заместить) своего обладателя: «Горца я больше не вижу — вижу только огромное молочного цвета пятно на месте вытекшего глаза. Впрочем, его ли это глаз? Врач <...> в Баку <...> тоже был кривым, и когда я пытаюсь вспомнить его лицо, передо мной возникает такой же беловатый шар. У этих двоих, как у Норн, один общий глаз, и они то и дело им обмениваются» [Сартр 2000: 43]. Не напоминает ли этот глаз, обособившийся в воспоминаниях Рокантена от своих владельцев, сбежавший от своего обладателя нос?

Нечто напоминающее ситуацию майора Ковалева также можно увидеть в эксперименте Рокантена с разрезаемой им ладонью. Вытекающая из раны кровь, только что бывшая частью тела героя, образует лужицу «которая наконец-то уже не я» [Сартр 2000: 124].

Сартр в отличие от Гоголя, от противного утверждающего сакральные смыслы лица, прямо отрицает всякую связь между внешним обликом человека и его сознающей себя личностью. Не только чужие, но и свое собственное лицо предстает для героя «Тошноты» случайным набором

теряющих четкие очертания деталей, не способных сложиться в единый и целостный облик человека. Все они подчеркнута лишены устойчивых субстанциальных признаков и уподобляются либо бездушным геологическим образованиям («горсть земли или кусок скалы», «рельефная карта горных пород» [Сартр 2000: 25, 26]), либо аморфным субстанциям: «это *не-что* на грани растительного мира, на уровне полипов, <...> *какие-то* легкие подергивания. <...> В особенности отвратительны глаза. *Нечто* стеклянистое, податливое, слепое» (курсив мой. — А. С.) [Сартр 2000: 25]. Переключки в описании лиц Рокантена и Ковалева (см. выше) очевидны.

«Я» и «Другой» у Гоголя и Сартра

Но, пожалуй, самое главное, что объединяет Сартра и Гоголя в оппозицию немецкому мыслителю, это второй вопрос философии человека, поставленный русским писателем в «Носе», развернутый французским экзистенциалистом в «Тошноте» и проигнорированный Гвардини. Вопрос этот заключается в анализе влияния Другого на сознание (самосознание) личности.

Возможно, невнимание к этой центральной для экзистенциализма проблеме у немецкого философа обусловлено влиянием его «профессиональной» деятельности католического богослова, которой объясняются и идеологическая позиция, и монологическая бинарная (высказывающийся автор — внимающий слушатель) форма (повествовательный дискурс кафедральной проповеди) ее изложения.

Гоголь и Сартр как создатели литературных произведений находятся в принципиально ином — художественном — дискурсе с его тернарной (автор — герой — читатель) конструкцией, где диалогические отношения взаимного влияния являются конститутивным свойством. «Выбор каждого предметного значения, структура каждого образа и каждый интонативно-ритмический тон обусловлен и проникнут обоими (героя и автора. — А. С.) взаимодействующими ценностными контекстами» [Бахтин 2003: 88].

Б.М. Эйхенбаум, характеризуюя гротескный мир гоголевской «Шинели», отметил, что в нем «всякая мелочь может вырасти до колоссальных размеров» [Эйхенбаум: 322]. Эти слова вполне приложимы к носу, сделавшему в другой петербургской повести необыкновенную карьеру. При всей широте общекультурного и собственно гоголевского спектров сакральных ассоциаций носа Гоголь в повести тем не менее неоднократно подчеркивает его незначительность и даже физиологическую необязательность. Например, доктор, убеждая Ковалева не возвращать медикаментозными способами нос на место, дважды аргументирует свой совет тем, что с носом будет хуже, чем без него: «вы, не имея носа, будете так же здоровы, как если бы имели его» [Гоголь: 58]. Даже сам Ковалев обнаруживает пропажу носа не потому, что лишается обоняния, а желая взглянуть на прыщик. Приниженный таким образом нос встраивается Гоголем в систему

общественных отношений и фактом своего присутствия или отсутствия на лице героя оказывается существенным регулятором места Ковалева в социальной иерархии («я майор. Мне ходить без носа <...> неприлично. Какой-нибудь торговке <...> можно сидеть без носа» [Гоголь: 46]).

Отсутствие носа грозит разрушением служебных и эротических устремлений майора, примечательно, однако, что ампутация социальных перспектив происходит лишь в сознании ограничивающего себя героя, предугадывающего возможные чужие реакции и загодя подстраивающегося под них. Конструктивно его поведение как бы предвосхищает речевое поведение Макара Деушкина. «В речь как бы вклинивается чужая реплика, которая фактически, правда, отсутствует, но действие которой производит резкое акцентное и синтаксическое перестроение речи. Чужой реплики нет, но на речи лежит ее тень, ее след, и эта тень, этот след реальных» [Бахтин 2002: 232]. «Ковалев <...> обратил внимание на легонькую даму <...>. Но вдруг он <...> вспомнил, что у него вместо носа совершенно нет ничего» [Гоголь: 47]; «он опустил глаза в низ газеты, где было извещение о спектаклях; уже лицо его было готово улыбнуться, встретив имя актрисы, хорошенькой собою <...> — но мысль о носе все испортила» [Гоголь: 52]; «я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; <...> мне теперь к ним нельзя явиться» [Гоголь: 50–51].

Аналогичным образом и возвращение носа на место должно быть санкционировано Другим даже после того, как было подтверждено собственными органами чувств Ковалева («взглянув в зеркало, видит он: нос! — хватя рукою — точно нос!» [Гоголь: 61]). «Нос, как и вообще внешность, — это именно достояние окружающих <...>. Сначала Ковалёв должен увидеть свой нос в зеркале (как бы глазами других), а затем — в живом зеркале публичных мест: кондитерская, канцелярия, Невский проспект, театр и т. д. Временная утрата героя выявляет внешнюю сторону его существования как главную» [Фуксон: 79].

Сходный эпизод с прогнозированием поведения Другого в «Тошноте» встречается, например, при описании обеда Рокантена в компании с Самоучкой, которому хочется получше угостить знакомого. Рокантен безошибочно определяет блюдо, которое тот для него закажет, т. к. дружеское расположение в этой ситуации не может выразиться иначе, чем в виде заказа блюда, единственным достоинством которого является высокая цена. Нарочитость и искусственность поведения обоих участников подчеркивается тем, что угощающему это блюдо не по карману, а угощаемому — не по вкусу.

«Я-для-себя» и «Я-для-других»: Гоголь, Сартр, Фаулз

В «Носе» точно намечен еще один важный аспект искажения и ограничения личности в социальных контактах — трактовка человека только лишь как представителя определенной социальной группы с абсолютным

игнорированием его индивидуальных личностных характеристик, не совпадающих с типовыми. Частный пристав «сказал, <...> что много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам» [Гоголь: 53]. Обиженный на это замечание Ковалев мыслит тем не менее в идентичных категориях, совершенно искренне подчиняя даже свое собственное личностное «я» коллективному образу носителей своего звания: «Он мог простить все, что ни говорили о нем самом, но никак не извинял, если это относилось к чину или званию» [Гоголь: 53]. А повествователь доводит эту индивидуальную черту до общенационального масштаба, распространяя ее по географической горизонтали и чиновной вертикали: «Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумеи и о всех званиях и чинах» [Гоголь: 43].

То, что в гоголевской повести оппозицией личностному началу в человеке выступает российская сословно-бюрократическая система первой половины XIX в. с ее «электричеством чина» (Ю.М. Лотман), не скрывает и не отменяет вневременной и наднациональный характер конфликта. Идейними двойниками и наследниками пристава и Ковалева в иную эпоху и на другой национальной почве в романе Сартра выступают, среди прочих, доктор Роже и один из его пациентов мсье Ахилл. Этой парой персонажей Сартр олицетворяет общую схему межличностных контактов, каковые на деле являются коммуникациями между сознающим «я» и образом Другого, сконструированным этим «я» на основе своих представлений о какой-либо социальной группе, к которой принадлежит (в которую мысленно зачисляется) собеседник. «Доктор смеется, он бросает на меня призывный взгляд сообщника; <...> Я не смеюсь и не отвечаю на его заигрывание, тогда <...> он обдумывает, к какому разряду меня отнести. К разряду психов? Или к разряду проходимцев?» [Сартр 2000: 84]. Изначально навешенный ярлык полностью исчерпывает и замещает для доктора подлинную личность человека: «“Старый псих” — и доктор Роже смутно вспоминает других старых психов, не помня ни одного из них в отдельности. Что бы ни выкинул мсье Ахилл, мы не должны удивляться: все понятно — старый псих!» [Сартр 2000: 87]. (О том, что перед читателем не индивидуальная особенность персонажа, а общечеловеческое (с точки зрения Сартра) свойство, свидетельствуют аналогичные заявления главного героя: в «кафе все всегда в порядке <...> благодаря хозяину мсье Фаскелю, на лице которого с успокоительной определенностью написано: “прохвост”» [Сартр 2000: 12–13].)

Сам мсье Ахилл, подобно Ковалеву, страшась собственной сложно определенной самости, жертвует ею, предпочитая ей завершающее слово о себе Другого, пусть и не слишком комплиментарное («старый псих»),

но включающее персонажа в ряд однородных явлений. «Еще недавно мсье Ахилл чувствовал себя странным, ему казалось, что он одинок; а теперь он знает: таких, как он, много, очень много, доктор Роже встречал этих людей <...>. Мсье Ахилл всего-навсего казус, частный случай, который легко сводится к некоторым общим понятиям» [Сартр 2000: 85].

Вопрос, заданный Гоголем в небольшой повести и спустя столетие всесторонне исследованный Сартром в его романе, осмыслиется как одна из центральных проблем современности, например, Джоном Фаулзом, писавшим в предисловии к «Аристосу»: «Моей главной заботой было сохранение свободы личности в условиях неотвратимой угрозы нашего века — принуждения к конформизму. Одна из форм такого принуждения <...>, это — ярлык, который приклеивается человеку <...>, то есть стремление большинства людей использовать этого человека *в одном определенном качестве*. Называя человека водопроводчиком, мы высвечиваем лишь одну его сторону, в то же время погружая во тьму все остальные. Я — писатель; я не желаю быть заточенным в какие-то иные стены, кроме тех, которые создаю сам, пытаюсь выразить себя в печатном слове. Так что первой из личных причин, побудивших меня опубликовать эту книгу, было желание заявить, что я никогда не имел намерения войти в клетку с табличкой “Романист”» (курсив Дж. Фаулза. — А. С.) [Фаулз: 5–6].

Искусство как способ сохранения аутентичности по Гоголю и Сартру

Сартр, за четверть века до своего английского коллеги и единомышленника Фаулза, отстаивавшего неисчерпаемость личности, за десятилетие до Гвардини с его призывом отказаться от науки и художественного творчества ради сохранения лица каждого человека, предлагает свое решение этой проблемы, снова сближаясь с Гоголем в его убежденности в живительном потенциале искусства (см. письмо-статью позднего Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» в «Выбранных местах из переписки с друзьями»).

Последовательно очищая глубинное «я» Рокантена от напластований, порожденных контактами с внешним миром или внутренними ментальными процессами, Сартр, казалось бы, приходит к трагически понимаемой исходной гуссерлианской посылке о невозможности экзистенции сознания, избавленного от всякого рода «не-я», а следовательно, лишенного какой-либо интенциональности. Однако истинной целью Сартра является никак не смирение перед ней, а ее опровержение и катарсическое указание герою (и читателю) романа на способ «изгнать из себя существование» [Сартр 2000: 213]. И этим способом, по мнению философа, является художественное творчество. Покидая город и слушая в последний раз пластинку с записью незамысловатой песенки, Рокантен вдруг открывает, что певице и композитору (нисколько не подозревавшим не только о своей философской победе, но даже о том, что они

вообще участвовали в «сражении») удалось преодолеть «грех существования», войти с Рокантемом как со слушателем в чисто духовный контакт, не отягощенный никакими материальными (в широком смысле слова) обстоятельствами.

Выводы. Проведенное сравнительное исследование антропологической проблематики повести Н.В. Гоголя «Нос» и романа Ж.П. Сартра «Тошнота» в контексте размышлений Р. Гвардини выявило сходство концепций человеческой личности у русского и французского писателей, а также совпадение форм и способов их художественного воплощения, что позволяет говорить об определенном гоголевском приоритете в постановке тех фундаментальных проблем человеческой личности, которые окажутся в центре внимания европейской философии в середине XX в., в частности, во французском экзистенциализме в лице Сартра.

Художественная антропология Гоголя и Сартра концентрируется на двух взаимосвязанных аспектах проблемы человека. Первый из них связан с определением глубинных основ человеческой личности и заключается у Гоголя в поисках квинтэссенции человечности, которой в повести иронически объявляется нос героя, а у Сартра — в последовательном «очищении» «я» персонажа от ментальных напластований, вызванных контактами с внешним миром.

Второй аспект связан с проблемой сохранения человеком своей аутентичности в условиях социального бытия. Оба писателя обнаруживают в социальных коммуникациях взаимную подмену собеседниками подлинных личностей друг друга деиндивидуализированными образами, основанными на восприятии Другого единственно как представителя определенного социального типа или группы. Особую опасность, по мнению Гоголя и Сартра, представляет аналогичное восприятие человеком самого себя, влекущее утрату аутентичности и конструирование собственной личности в соответствии с прогнозируемыми коммуникативными установками и ожиданиями потенциальных собеседников.

Одним из способов для человека сохранить собственную идентичность и избежать нивелирования своей личности в условиях социального бытия Сартр, вслед за Гоголем как автором «Выбранных мест из переписки с друзьями», видит в художественном творчестве.

Источники

Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–163.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. Т. 3: Повести. Т. 4: Комедии. 682 с.

Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М.: Издательство АСТ, 2020. 1072 с.

Сартр Ж.П. Тошнота // Сартр Ж.П. Тошнота: Роман; Стена: Новеллы. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 7–216.

Фаулз Дж. Аристос. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 347 с.

Литература

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Издательство «Русские словари». Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 69–263.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинение: В 7 т. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 6–300.

Бочаров С.Г. Вокруг «Носа» // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 98–120.

Бочаров С.Г. Загадка «Носа» и тайна лица // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985. С. 124–160.

Куликов А.К. Мифологические мотивы в творчестве Н.В. Гоголя. Философский анализ. СПб.: Алетейя, 2020. 294 с.

Маргалит А. Человеческое достоинство между китчем и обожествлением // Новое литературное обозрение. 2018. № 3 (151). С. 13–26. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19747/; Режим доступа: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85052052780&partnerID=40&md5=e9ad6e94e0646402552266320fce7a2>. Дата обращения: 29.09.2021.

Маркович В.М. Петербургские повести Н.В. Гоголя: Монография. Ленинград: Художественная литература, 1989. 208 с.

Фуксон Л.Ю. К столкновению повести «Нос» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 75–81. doi: <https://doi.org/10.17223/18137083/66/6>. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85065521597&doi=10.17223%2f18137083%2f66%2f6&partnerID=40&md>. Дата обращения: 29.09.2021.

Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Ленинград: Художественная литература, 1969. С. 306–326.

References

Istochniki

Gvardini R. (1990). Konec novogo vremena [End of New Time]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. № 4. Pp. 127–163. (In Russ.).

Gogol' N.V. (2009). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 17 t.* [Complete works and letters: In 17 volumes.]. Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchate. Vol. 3: Stories; Vol. 4: Comedies. 682 p. (In Russ.).

Sartr Zh.P. (2020) *Bytie i nichto* [Being and nothing]. Moscow: Publishing house AST. 1072 p. (In Russ.).

Sartr Zh.P. (2000). Toshnota [Nausea]. *Sartre J.P. Nausea: A Novel; Wall: Novels*. Kharkov: Folio; Moscow: Publishing house AST. Pp. 7–216. (In Russ.).

Faulz Dzh. (2008). *Aristos*. Moscow: AST: AST MOSCOW. 347 p. (In Russ.).

Literatura

Bakhtin M.M. Avtor i geroj v e'stetičeskoj deyatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity]. *Collected works: In 7 volumes*. Moscow: Publishing house "Russkie slovari". Yazyki slavyanskoj kul'tury. Vol. 1. 2003. Pp. 69–263. (In Russ.).

Bakhtin M.M. Problemy poe'tiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. *Collected works: In 7 volumes*. Moscow: Russkie slovari. Yazyki slavyanskoj kul'tury. Vol. 6. 2002. Pp. 6–300. (In Russ.).

Bocharov S.G. (1999) Vokrug "Nosa" [Around the "Nose"]. *Syuzhety russkoj literatury* [Plots of Russian literature]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. Pp. 98–120. (In Russ.).

Bocharov S.G. Zagadka "Nosa" i tajna lica [The "Nose" Riddle and the Mystery of the Face]. *O xudozhestvennyx mirax* [About the worlds of art]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1985. Pp. 124–160. (In Russ.).

Kulikov A.K. (2020). *Mifologičeskie motivy v tvorčestve N.V. Gogolya. Filosofskij analiz*. [Mythological motives in the work of N.V. Gogol. Philosophical analysis]. Saint-Petersburg: Aletejya. 294 p. (In Russ.).

Margalit A. (2018). Chelovečeskoe dostoinstvo mezhdru kitchem i obozhestvleniem [Human dignity between kitsch and deification]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. № 3 (151). Pp. 13–26. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19747/ URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85052052780&partnerID=40&md5=e9ad6e94e0646402552266320fce7a2>. Accessed: 29.09.2021. (In Russ.).

Markovich V.M. (1989). *Peterburgskie povesti N.V. Gogolya: Monografiya*. [Petersburg Tales of N.V. Gogol: Monograph]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 208 p. (In Russ.).

Fukson L.Yu. (2019). K istolkovaniju povesti "Nos" [To the interpretation of the story "The Nose"]. *Sibirskij filologičeskij zhurnal* [Siberian journal of philology]. № 1. Pp. 75–81. doi: <https://doi.org/10.17223/18137083/66/6>. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85065521597&doi=10.17223%2f18137083%2f66%2f6&partnerID=40&md5>. Accessed: 29.09.2021. (In Russ.).

E'jkhenbaum B.M. (1969). Kak sdelana "Shinel" Gogolya [How Gogol's "Overcoat" was made]. *O proze*. [On prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1969. Pp. 306–326. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.04.2021; одобрена после рецензирования 04.07.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 08.04.2021; approved after reviewing 04.07.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторе

Александр Семенович Смирнов — кандидат филологических наук; доцент; Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; доцент кафедры русской филологии; сфера научных интересов: антропологическая проблематика художественной литературы, русская и зарубежная литература XIX—XX вв.

Information about the author

Alexander Semenovich Smirnov — Candidate of Philology; Associate Professor; Yanka Kupala State University of Grodno; Associate Professor of the Department of Russian Philology; research interests: anthropological problems of fiction, Russian and foreign literature of the 19th—20th centuries.